

Опасные
удовольствия

ИРИНА КОМАРОВА

СМЕРТЬ ЗА НАСЛЕДСТВО

Предательство,
тайная страсть
и злой
умысел

Опасные удовольствия

Ирина Комарова

Смерть за наследство

«Центрполиграф»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Комарова И. М.

Смерть за наследство / И. М. Комарова — «Центрполиграф»,
2023 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-10442-7

К Лизе Решетовской, владелице салона «Дамское рукоделие», частенько обращаются за помощью, считая женщину ясновидящей, хотя она утверждает, что обладает лишь скромными экстрасенсорными способностями. На этот раз ее попросили отыскать пропавшую девочку. Лизе было достаточно одного взгляда на фото Лены Соломиной, чтобы почувствовать – ее уже нет в живых. Решетовская раздражает следователя настолько, что он готов даже включить ее в список подозреваемых. Но его друг, частный сыщик Сергей Лихарев, с ним не согласен, он намерен найти настоящих виновников в гибели девочки...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-10442-7

© Комарова И. М., 2023
© Центрполиграф, 2023

Ирина Комарова

Смерть за наследство

© Комарова И.М., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

Заплаканная женщина положила на стол цветную фотографию.

– Вот. Это наша Леночка. Наша девочка... – Голос ее сорвался. Женщина всхлипнула и с явным усилием продолжила: – Уже две недели прошло. Она вышла из школы... мы никогда ее не встречали, школа же совсем рядом с домом! Кто мог подумать, что она...

– Мариночка... – Красивый мужчина, который сидел рядом, осторожно положил руку ей на плечо. – Держись, родная. – Он перевел взгляд на Лизу и тихо спросил: – Может, стакан воды?

Прежде чем та успела ответить, Марина отказалась:

– Не надо воды. Я... – она с усилием сглотнула комок в горле, – я в порядке. Но я хочу... я надеюсь, что вы сможете помочь! Мамина подруга сказала, что вы очень хорошая колдунья!

«Ну, спасибо вам, Ася Семеновна! – Лиза только головой покачала. – Надо же понимать разницу: помочь рассеянной пожилой женщине вспомнить, куда она засунула коробку с документами, и поиск пропавшего ребенка. Тем более от этой фотографии явственно тянет чем-то очень нехорошим...»

– Я не колдунья, – мягко сказала она вслух. – У меня есть некоторые экстрасенсорные способности, но реально я могу не слишком много.

– Я понимаю, – торопливо закивала Марина, явно не веря ни одному слову. – Вы только скажите, Леночка... она жива?

Лиза посмотрела на молодого мужчину – Андрей, он же муж Марины и отец пропавшей девочки. Странно – Марина еле сдерживает истерику, а он почти спокоен. Нет, какие-то отголоски эмоций улавливаются, но это совсем не тревога за ребенка. Был слишком молод, когда дочь родилась, и отцовские чувства до сих пор не проснулись? Или это вообще не отец, а отчим? Лиза перевела взгляд на четвертого присутствующего в комнате человека. Тоже мужчина, но гораздо старше. Судя по тому, что в его лице есть явное сходство с Мариной, родственник. Отец? Похоже. Он тоже нервничает, более того – раздражен, и сильно. Понятно, он здесь только потому, что не захотел отпускать дочь в сомнительное, по его мнению, место одну. Хм, одну? То есть муж дочери не в счет? Ладно, будем иметь в виду, а пока...

Лиза осторожно, едва касаясь края, придвинула к себе фотографию и невольно зажмурилась от сильнейшего ментального удара. Волна черного, почти первобытного ужаса поднялась, но натолкнулась на круговое «зеркало», которое Лиза привыкла держать постоянно, а при первом взгляде на посетителей еще и укрепила. Несколько секунд чернота давила на сознание, потом мрак схлынул, оставив после себя дрожь в пальцах и холодный пот на лбу.

– Что? – нервно спросила Марина. – Вы что-то видите? Вы можете мне сказать хоть что-нибудь?

– Нет, – осипшим голосом ответила Лиза. – Извините, но нет. Я ничего не могу вам сказать.

– Но как же? Ведь Асе Семеновне вы сразу, за один сеанс... Послушайте, если вы хотите... если дело в деньгах, то это не проблема... папа, подтверди, что мы согласны на любую сумму!

– Нет. – Лиза с трудом приподняла правую руку и тут же бессильно уронила ее на стол, постаравшись отодвинуть как можно дальше от фотографии. – Дело не в деньгах. Простите, но я ничем не могу вам помочь.

Старший мужчина резко встал, с грохотом отодвинув стул, и, бросив на Лизу взгляд, полный отвращения, шагнул к дочери.

– Пойдем отсюда, Мариша. Я с самого начала тебе говорил, что это дурацкая затея.

– Это была моя последняя надежда, – прошептала женщина. Взяла фотографию и прижала к груди. – Последняя.

Андрей суетливо вскочил, вклинился между тестем и женой, помогая ей подняться и воркуя что-то ласково-успокоительное.

Лиза снова приподняла руку и спросила у отца Марины:

– Простите, как вас зовут? Вы не представились.

– А в этом есть нужда? – обжег он ее злым взглядом.

– В общем-то нет. Просто я хотела попросить вас немного задержаться.

– Нас? – тут же встрепенулась Марина и попыталась вырваться из заботливых объятий мужа.

– Нет. Я хотела сказать несколько слов только вашему отцу... – Лиза выразительно посмотрела на старшего мужчину, и он, недовольно скривившись, процедил:

– Виктор Петрович. – И совсем другим тоном, повернувшись к дочери, попросил: – Маришка, поезжай, пожалуйста, с Андреем домой. Я не задержусь, выслушаю только, что мне эта ведьма хочет сказать, и за вами.

– Может, мы в машине подождем? – слабо трепыхнулась Марина.

– Домой, домой. – Он ласково подтолкнул ее к дверям. – Я на такси вернусь. И попробуй прилечь, подремать... Андрей, лекарство ей дашь?

– Да-да, конечно, – закивал Андрей, вызвав неприятную ассоциацию с китайским болванчиком.

Лиза даже поморщилась слегка. О, чувства возвращаются, это хорошо. Значит, отпускает. И то, как Виктор Петрович ее ведьмой назвал, почти вызвало улыбку. Он ведь не оскорбить ее хотел, просто квалифицировал. Ася Семеновна назвала ее, Лизу, хорошей колдуньей, а колдунья или ведьма – какая разница?

Тем не менее, когда Виктор Петрович, проводив, а точнее, выпроводив дочь и зятя, вернулся к столу и встал, опершись руками о спинку стула, Лиза посчитала нужным уточнить:

– Я не ведьма. У меня просто есть некоторые экстрасенсорные способности.

– Такие способности и у меня есть, – не скрывая презрения, а, наоборот, старательно его демонстрируя, заявил он. – Дело все-таки в деньгах, так? Сколько вы хотите? Но предупреждаю: ни вам, ни всем прочим ясновидящим аферисткам я не верю. Я здесь оказался только потому, что эта старая дура Ася задурила Маришке голову, рассказывая по ваши необыкновенные способности. Но вы сами сказали, что ничего не можете сделать. Так чего вы хотите теперь от меня?

– Присядьте, пожалуйста, – попросила Лиза. – Вы очень высокий, и мне неудобно с вами разговаривать.

– Нам не о чем разговаривать, – отрезал он, и Лиза на мгновение прикрыла глаза. Увы, мягко подготовить этого человека к страшному известию не получится.

– Ваша внучка мертва, – механическим, без тени эмоций голосом произнесла она.

Виктор Петрович, который уже открыл рот, чтобы сказать очередную колкость, поперхнулся. Не глядя, дернул стул к себе и упал на сиденье.

– Но как?.. Почему?.. Вы же сказали, что ничего не знаете!

– Я сказала, что ничем не могу помочь, – покачала головой Лиза. – У меня у самой есть ребенок, и я не могу сказать матери, что ее дочь убита.

– Кто? – сипло спросил Виктор Петрович. – Зачем?

– Не знаю. Я же говорю, я не колдунья и не ведьма. И где сейчас ее тело, тоже не могу указать... простите.

– Но как же... Вы хотите сказать... Мы ее никогда не найдем?

Лиза промолчала. Она даже не успела разглядеть фотографию, заметила только, прежде чем ее окутала удушливая волна ужаса, много голубого цвета – очевидно, девочка была в голубом платье.

– Вы мне только это хотели сказать?

Лиза вздрогнула и уставилась на мужчину почти с благодарностью – она ведь чуть было снова не нырнула в этот кошмар.

– Нет. Я хотела... извините, это не мое дело, и я не имею права лезть в вашу семью, но я... я просто хочу предупредить: ваша дочь в очень плохом состоянии. Я уж не говорю о том, что у нее аура в клочья, но и невооруженным глазом видно, что этого испытания она не выдержит. Если вы не хотите потерять и дочь, вам надо обратиться к психиатру. Не психологу, не к психотерапевту, а к хорошему, опытному врачу.

– К вам? – К нему мгновенно вернулась вся язвительность.

– При чем здесь я? Я же сказала – нужен опытный психиатр. У меня есть диплом психолога, но за такой тяжелый случай я не возьмусь. – И, предупреждая следующий вопрос, подняла ладонь, словно отгородилась. – И посоветовать, к кому обратиться, я тоже не могу, в этих кругах у меня связей нет. Я думаю, вам не составит труда самому навести справки. Единственное – займитесь этим побыстрее, не откладывайте, не надейтесь, что само пройдет. Не пройдет. Марина на грани срыва, и этот срыв может случиться в любую минуту. Я бы сказала, что ее не стоит оставлять одну.

– Хорошо, я вас понял. – Кажется, впервые за все время Виктор Петрович посмотрел на Лизу без неприязни. – Еще что-нибудь... посоветуете?

Она ответила не сразу. Опустила глаза, потерела край расшитой цветами скатерти и неуверенно начала:

– Опять-таки это не мое дело... но мне показалось немного странным... скажите, ваш зять, он родной отец девочки или отчим?

– Отец. А почему вы спрашиваете? – насторожился Виктор Петрович. – Он вам не понравился?

– А вам? Впрочем, извините, это меня не касается. Я не могу сказать, что он мне не понравился, я видела его менее получаса и даже парой слов не обменялась. Но он мне показался очень странным. Понимаете, он из вашей семьи выбивается. Я ведь не просто так спросила, родной ли он отец вашей внучки. То, что он не выглядит убитым горем, – это ладно, у мужчин свои понятия о правильном поведении, и вы, например, тоже внешне держитесь очень сдержанно. Но на уровне ауры... У Марины, я уже говорила, она просто в клочья. У вас лучше, но тоже вся на острых углах. А Андрей – словно в коконе. Исчезновение дочери его беспокоит, но это не главная его проблема. Точнее, главной проблемы вообще нет – так, неприятности, но ничего такого, что стоило бы реальных переживаний.

– Думаете, он знает, где Леночка, поэтому и не волнуется? Но вы сами сказали, что она...

– Виктор Петрович! – перебила его Лиза. – Мысли я читать тоже не умею. И даже не могу толком объяснить, чем именно мне этот Андрей не понравился. Но... я вам посоветую одну не очень этичную вещь: наймите хорошего частного детектива, пусть он за вашим зятем последит.

– И конечно, телефончик этого хорошего детектива подскажите? – Если бы Виктор Петрович улыбнулся, то этот вопрос вполне сошел бы за шутку.

– Конечно нет. – Лиза тоже была серьезна. – Виктор Петрович, примите уже это как данность: я не аферистка, не жулик и не пытаюсь наживаться на людях, попавших в беду. У меня нет прикормленных детективов, врачей, юристов или кого там еще, к кому можно направить

человека, чтобы потом поделить гонорар. Я вообще не занимаюсь решением чужих проблем, у меня другой способ зарабатывать на жизнь. Поймите, я очень далека от всего, что произошло у вас. Я иногда помогаю рассеянным старушкам найти потерянное, могу немного подкорректировать отношения, настроить на удачу. Но с криминалом, поверите ли, сталкиваюсь впервые.

– И какой же у вас способ заработка? – Теперь улыбка у Виктора Петровича появилась, но лучше бы ее не было. Откровенно гаденькая получилась улыбка. – Живете вы, – он неопределенно махнул рукой, не указывая конкретно на какую-то вещь, а имея в виду всю обстановку квартиры, – весьма небедно. Сплошные кружева.

– Скажите, Виктор Петрович, – мягко спросила Лиза, и мужчина невольно вздрогнул от неприкрытого сочувствия, явно звучащего в ее голосе, – вы каждую женщину воспринимаете как аферистку или как проститутку? Нормальных, обычных, работающих женщин вам встречать не доводилось? – Она встала из-за стола и прошла по комнате. – Эти, как вы выразились, «кружева», не просто украшение комнаты, это образцы товара. Вы сейчас находитесь в выставочном зале салона «Дамское рукоделие», на двери табличка – не обратили внимания? Небольшое частное предприятие, десяток работниц-надомниц, торгуем в основном через Интернет, но для клиентов, желающих предварительно все посмотреть и пощупать, держим этот маленький магазин-выставку. У нас, видите, и вышивка, и вязаных изделий большой выбор, и кружева авторские. Можно выбрать вещь по каталогу, а можно и заказать по собственному эскизу. Эксклюзивную одежду мы тоже шьем. В общем, любой каприз за ваши деньги. – Она наконец улыбнулась и указала на лоскутное одеяло, украшающее одну из стен. Разноцветные кусочки ткани складывались в пеструю, но легко читающуюся надпись: «ВАША ФАНТАЗИЯ – ВЫЗОВ ДЛЯ НАШИХ МАСТЕРИЦ!» – Никакого отношения к проституции или жульничеству это не имеет. Мы хорошо зарабатываем, но мы зарабатываем честно.

– Кхм... – Он слегка покраснел. – Извините. Я был не прав. Пожалуй... Да, я вел себя недопустимо и сожалею об этом. Просто, когда Мариша сказала, что собралась к какой-то колдунье, которую ей посоветовала Ася... я немного перенервничал.

– Не будем больше об этом, – легко отмахнулась она. – Я понимаю, у вас сейчас сложный период.

– Да уж, сложный. – Виктор Петрович снова помрачнел. – Что ж, спасибо вам большое и... сколько я вам должен?

– Я же сказала, я зарабатываю дамским рукоделием.

– Тем не менее вы потратили на нас время, да и я тут... я чувствую себя обязанным.

– А вы не привыкли ходить в должниках? – Она легко засмеялась, и мужчина с некоторым удивлением понял, что улыбается в ответ. – Хорошо. Видите эту вазу? В ней чудесно будет смотреться роза на длинном стебле. Цветочный магазин в соседнем доме, у них есть доставка. Мне будет очень приятно получить от вас одну темно-бордовую розу.

– Сам выберу, – пообещал Виктор Петрович, внимательно посмотрев на тонкую высокую вазу, больше похожую, по его мнению, на мензурку-переросток. – Еще раз извините, спасибо, всего вам хорошего.

– Всего хорошего, – эхом откликнулась Лиза. Дождалась, пока дверь закроется, и покачала головой. – Хотя что уж тут может быть хорошего.

Лиза действительно не была ни колдуньей, ни ведьмой, ни гадалкой, ни медиумом, ни магом, ни полноценным экстрасенсом. Кое-какие слабенькие способности у нее были, но она никогда не хотела развивать их, учиться управлять ими и вообще относиться к ним хоть сколько-нибудь серьезно. Ее способности напоминали маленькое солнышко: Лиза без усилий могла утешить, поднять настроение, успокоить. У нее не получалось лечить – ну разве что слегка заговорить небольшую ранку или гематому, тоже небольшую, разогнать, но старые или тяжело больные люди начинали чувствовать себя лучше, если она находилась рядом. Мама, Лидия Сергеевна, способности которой были гораздо слабее (она виртуозно зашептывала –

сводила бородавки, вот, собственно, и все), настояла, чтобы Лиза училась на психолога, уверенная, что с такими данными дочь выстроит в будущем блестящую академическую карьеру. Или станет известным практикующим психологом – они тоже неплохо зарабатывают. Послушная девочка поехала в областной город, поступать в университет. К всеобщему удивлению, абитуриентка из райцентра, без связей и без денег, поступила на бюджетное отделение. Первые два года училась очень старательно, и, хотя в отличницы так и не выбилась (одна-две четверки в каждую сессию), декан факультета ее заметил, начал привечать и даже подумывал взять ее себе в дипломницы с последующими перспективами на аспирантуру. Но на третьем курсе Лиза влюбилась в выпускника с физического, Сашу Решетовского. Счастливая Лиза не то чтобы совсем забросила учебу, но редкие раньше четверки стали встречаться в ее зачетке все чаще, пятерки практически исчезли, зато появились тройки. Декан несколько раз пробовал поговорить со стремительно скатывающейся по успеваемости студенткой, наставить ее на путь истинный, но в результате махнул рукой и предоставил самой себе. На четвертом курсе Лиза вышла за Сашу замуж и окончательно потеряла интерес к учебе. На диплом она выходила глубоко беременной – во время защиты ей никто даже вопросов задавать не стал. Лиза получила законную тройку и синюю книжечку диплома, а вкладыш с оценками спрятала подальше – все-таки совестно было показывать. Маме Лиза сказала, что у нее в основном четверки и пятерки и что это совершенно не имеет значения, поскольку потенциальные работодатели интересуются не оценками, а рабочими навыками. Кроме того, ближайшие три года она собирается сидеть дома и воспитывать маленькую Машу. А через три года, при отсутствии опыта работы, ее оценки и вовсе не будут никого волновать. Мама вздыхала и мудро не стала просить вкладыш, полюбаваться обещанными четверками и пятерками.

Счастливые молодожены жили в съемной однокомнатной квартире – Саша устроился в солидную фирму и неплохо зарабатывал, мамы тоже помогали в меру сил: Лизина мама больше продуктами, а Сашина – вещами. Правда, одевала она по большей части любимого сына, но Лизу это устраивало: и муж в модной обновке, и семейному бюджету ущерба нет. Когда Машка чуть подросла, а получилась она ребенком спокойным и жизнерадостным, у Лизы появилось свободное время, и она начала заниматься вязанием, вышиванием и прочими приятными делами, которые муж снисходительно называл «дамским рукоделием». Сначала объявила себя и дочку, а Саше сделала сложного рисунка джемпер – ходить на работу – и домашнюю кофту попроще. Мама получила платье и кофту. И еще одну кофту, которую Лиза хотела подарить свекрови, но та побрезговала «самовязом». Потом мамы и бабушки, гулявшие с детьми на той же площадке, что и Лиза с Машей, начали интересоваться, в каком бутике продают такие элегантные вязаные вещи. А когда Лиза объяснила, что все это – ее личное творчество, одна мамочка осторожно спросила, нет ли возможности и ее дочке связать такую же юбочку? Лиза, естественно, заверила, что возможность есть, и уже через несколько дней малышка щеголяла в новой юбочке, а Лиза получила еще несколько заказов...

Саша, когда узнал, что жена не просто так сидит целыми днями со спицами, а новенькие вязаные вещи, сложенные на тумбочке, уходят с этой тумбочки не куда-нибудь в чулан и не раздаются подружкам, а продаются, причем по очень приличной цене, потребовал, чтобы Лиза оформила ИП. Он был человеком законопослушным и осторожным и очень не хотел, чтобы вдруг возникли проблемы с налоговой.

Маша пошла в садик, и Лиза, не слишком усердно, занялась поисками работы. По специальности устроиться было нереально – молодого психолога без опыта работы, да еще и с маленьким ребенком нигде не ждали. Лиза даже начала задумываться: а не права ли была мама, когда требовала снова взяться за ум и за учебу. «Сам декан тебя на аспирантуру планирует, – уговаривала она. – Такими шансами не разбрасываются, дочка! Сейчас профукаешь, потом спохватишься, плакать будешь, а поздно!» Плакать Лиза не начала, но мысль, что если бы она не «профукала» аспирантуру, то сейчас имела бы стабильную работу, была неприятна.

Тем не менее Лиза особенно не унывала. Ведь все остальное в ее жизни складывалось хорошо. Муж любит, дочка здорова, на все необходимое денег хватает...

Сайт в Интернете, на котором она выложила каталог своих изделий, Лиза завела без каких-либо далеко идущих планов – скорее, чтобы немного похвастаться. Но сайт довольно быстро начал набирать популярность, пошли новые заказы, соответственно, увеличились и доходы. А однажды утром, когда она уже сняла с Маши курточку и отправила в группу, к ней подошла Ася Семеновна, бабушка мальчика Никиты из Машиной группы.

– Я заходила на ваш сайт, – объявила она без долгих предисловий. – Мне очень понравилось. Вы ведь можете брать товар на реализацию, так не хотите ли добавить в каталог вышивку?

– В каком смысле, «добавить»? – Лиза сначала решила, что Ася Семеновна собирается заказать ей что-нибудь для себя или для внука, поэтому немного растерялась.

– Предложить покупателям, – снисходительно улыбнувшись, объяснила та. – Я очень хорошо вышиваю гладью и крестом, а увеличение ассортимента увеличивает интерес. Вы согласны?

– Насчет увеличения интереса абсолютно согласна. А можно посмотреть ваши вышивки?

– Необходимо! Вы же не будете покупать кота в мешке. Пойдем ко мне, я уже все разложила.

– Что, прямо сейчас? – Лиза не ожидала столь стремительного развития событий.

– А чего тянуть? Или вы сейчас заняты? Тогда можно перенести нашу встречу на вечер.

– Хм. Пожалуй... нет, ничего такого, что не могло бы подождать пару часов. Пошли посмотреть вышивки!

Вышивки оказались великолепны. Полотенца, скатерти, наволочки, накидки на кресла, салфетки, фартуки, покрывала – Лиза разглядывала и восхищалась. Она тут же, не сходя с места, купила украшенное классическими петухами полотенчишко для Маши, скатерть для мамы и фартук для себя (про свекровь она тоже вспомнила, но подумала, что та подарка все равно не оценит, значит, нечего и деньги тратить).

Они с Асей Семеновной очень быстро пришли к принципиальному соглашению, решив, что по деталям договорятся по ходу дела, немного поспорили, как лучше фотографировать изделия для каталога на сайте, и даже немного помечтали о будущем.

– А одежда? – Лиза просто излучала энтузиазм. – Вот этот рисунок, с салфетки, он же просто просится на платье! Вот представьте: простого кроя льняное платье, а на груди и по подолу такие веточки...

– Вы умеете шить? У меня-то ничего сложнее наволочки не получается. А идеи есть, просто шикарные, вот, посмотрите узоры!

– Изумительно, – выдохнула Лиза. – Хочу такую юбку! Но из меня тоже портниха так себе, я больше крючком и спицами, а не иголкой. Ладно, на первое время и этого хватит, а там, может, найдем подходящего человека.

Их самих удивило, насколько быстро нашлась портниха. Знакомые знакомых порекомендовали знакомым... а потом еще одна... и женщина, которая вязала крючком восхитительные игрушки... и молодая художница, которая расписывала чудесными сказочными рисунками все, что попадало ей в руки – разделочные доски, шкатулки, подносы и даже кухонные комбайны. Через год, не считая самой Лизы, в штате «Дамского рукоделия» (именно за это название дружно проголосовали все заинтересованные лица) числилось двенадцать работниц-надомниц, которые трудились не покладая рук и очень неплохо зарабатывали. Каталог пополнялся, заказчиков было все больше и больше, и Лиза думать забыла о том, что совсем недавно искала работу. Работы было невпроворот.

Чтобы не загромождать небольшую квартиру и не «приваживать домой покупателей», она сняла неподалеку двухкомнатную квартиру под офис. Мама этого не одобрила.

– Сами в однокомнатной теснитесь, а для тряпок твоих двухкомнатные апартаменты потребовались! – ворчала она.

Лиза объясняла: ей и двух комнат маловато. Ведь пряжа, ткани, нитки, фурнитура и прочие необходимые вещи закупались оптом, и все это нужно было где-то хранить, так же как и готовые, но не проданные еще изделия. Поэтому комната, отведенная под склад, была забита – не повернешься. А вторая комната стала выставочным залом-магазином. Многие люди, не особо доверяя Интернету, приходили сами посмотреть-пощупать, и это, кстати, приносило существенную выгоду. Потому что женщина, решившая разориться, например, на скатерть, полюбовавшись на разложенные товары, не могла не добавить к этой скатерти набор салфеток, или пару рушников, или фартук, или все вместе. Но маму эти объяснения не убедили.

– А что муж скажет? – привела она убийственный, с ее точки зрения, аргумент.

– Ничего, – легко засмеялась Лиза. – «Дамское рукоделие» Саша доверяет мне, во всех смыслах этого слова.

Лидия Сергеевна с сомнением посмотрела на нее и оставила эту тему. Поняла, что если начнет задавать вопросы, то ответы могут ей не понравиться, и предпочла ничего не знать. Лизу это устраивало, потому что в семейной жизни в последнее время все было не так радужно. И обсуждать это она не была готова.

Лиза всегда тонко чувствовала, как к ней относятся люди, и если сначала Сашина любовь пьянила и кружила голову, то со временем фейерверк чувств превратился в более спокойное, но и более уверенное единение. А потом, незаметно, постепенно, это равенство душ стало перетекать в свою противоположность, в равнодушие. Со стороны – ничего не изменилось. Точно так же, когда Саша приходил с работы, он целовал выбегающих навстречу жену и дочь, точно так же они болтали по вечерам обо всем, что произошло за день, что они видели, слышали, о чем думали. Точно так же они проводили вместе выходные и праздники, но что-то неумолимое начало уходить из их жизни, утекать, словно воздух из проколотой шины. Да, именно так! Если четыре года назад Лиза нужна была мужу, как воздух, сейчас он уже мог обходиться без нее. Семья становилась для него из единственного способа существования просто удобством. Привычкой, но не необходимостью. И Лиза понимала, что скоро начнет превращаться в не слишком радующую обязанность, в обузу.

Она честно старалась восстановить былую гармонию, даже старые конспекты почитала и в Интернете разные полезные советы... увы. То ли время было уже упущено, то ли сама Лиза не умела воплотить умные советы в жизнь. Она принимала людей такими, какие они есть, и, наверное, поэтому люди к ней тянулись. Но играть, притворяться, манипулировать человеком и его чувствами было противно ее природе. Может, она и смогла бы вернуть Сашину любовь, но надолго ли? Сейчас привязать к себе, но через какое-то время, пусть через год, два, он снова начнет отдаляться... И что, начинать все сначала? Провести вот так, на эмоциональных качелях, всю жизнь? Люди, конечно, разные, и кому-то, наверное, это даже понравилось бы, но она, Лиза, в такой ситуации просто возненавидела бы мужа. Хорошо, не возненавидела бы, ненавидеть у нее вообще плохо получалось, но очень устала бы. Собственно, она уже сейчас начала уставать оттого, что приходится постоянно притворяться, делать вид, что они по-прежнему идеальная семья. А потом случилось то, чего Лиза давно подсознательно ждала: Саша начал привирать. Не по серьезным поводам и даже не особо сознательно: дескать, объяснять долго, проще придумать что-то правдоподобное. Но Лиза слишком хорошо его знала, слишком хорошо чувствовала малейшие оттенки его интонаций и прекрасно понимала: врет. И опять. И еще раз. Снова соврал. А тот, кто не искренен в мелочах, когда-нибудь непременно придет и к большой лжи.

Она не сомневалась – знала точно, что у Саши не было любовницы. Пока не было. Он еще не привык к мысли, что, кроме нее, Лизы, в его жизни может появиться другая женщина. Но он уже начал этих других женщин замечать. Раньше все они были интересны лишь тем, что

каждая была немного похожа на Лизу – у одной цвет волос почти такой же, у другой подбородок той же формы, третья так же любит черный шоколад... Теперь же он, не вспоминая о жене, обращал внимание на талию, ножки, бедра, грудь... он еще не изменял, но в душе был почти готов к измене.

Лиза долго думала. Совета спросить было не у кого: подружки за годы замужества как-то растерялись, да и не с подружками такие вещи обсуждать. Ставшие за последнее время почти родственниками разновозрастные «девочки» из «Дамского рукоделия»? Они, конечно, надают советов самых разных и друг другу противоречащих, разволнуются, расшумятся, рассорятся – нет уж, не будем вмешивать личные проблемы в рабочие отношения. Мама? Что скажет мама, Лиза и так знала. В их семье мужчины почему-то не задерживались надолго. И если прадедушка погиб на фронте, то дедушка, не прожив с бабушкой и десяти лет, завербовался на Север, на заработки. Несколько лет от него приходили денежные переводы и поздравительные открытки на Новый год, 8 Марта и день рождения. Потом переводы стали приходить все реже, а там и открытки сошли на нет. Бабушка пыталась искать блудного мужа, но, поскольку он ни разу не прислал точного адреса, так и не смогла узнать, где он и жив ли вообще.

Отец Лизы, мамин муж, тоже затерялся на бескрайних российских просторах. По словам Лидии Сергеевны, он был старый холостяк, который вдруг дозрел до мысли, что семья – это самое главное в жизни человека. И два года они с мамой воодушевленно это самое главное строили. И еще два года, правда с меньшим воодушевлением, после рождения Лизы. Как оказалось, Лиза надежд отца не оправдала. Мама была удивлена и шокирована, когда выяснилось, что этот взрослый неглупый человек, мечтая о дочери, представлял себе, как его умница и красавица будет получать золотую медаль по окончании школы, как он будет выводить прекрасную принцессу на тур вальса в день ее свадьбы, как он научит ее водить машину... ничего не соображающий, какающий в пеленки и мешающий спать по ночам младенец совершенно этим мечтам не соответствовал. Жена пыталась объяснить, что это не страшно, что со временем все сбудется – Лиза уже освоила горшок, а года через два с ней уже можно будет поговорить, через пять она пойдет в школу, а там и до выпускного вечера с золотой медалью недалеко... Благодарный отец согласился подождать, пока дочь подрастет, но подождать где-нибудь в сторонке, и отбыл в длительную командировку. Дальше все пошло по уже известному сценарию: сначала регулярные, а потом все более редкие денежные переводы (в связи с современными веяниями – на карточку), еще более редкие звонки (вместо поздравительных открыток) и, наконец, тишина. Лидия Сергеевна даже искать его не стала. Только рукой махнула и постаралась забыть, что у нее вообще был муж, а у Лизы отец.

Появление в жизни Лизы Саши Решетовского вызвало у мамы неподдельный восторг. Ради такого мужчины были прощены и заброшенная учеба, и погубленная аспирантура – семья важнее! И она надеялась – да что там, была уверена, что череда одиноких женщин в их роду прервется, что Лиза проживет с мужем долгую счастливую жизнь. И если сейчас маме не то что прямо сказать, а хоть намекнуть, что они с Сашей могут расстаться... будет много горьких слез и искреннего непонимания: не пьет, не бьет, не гуляет – да что ж тебе еще надо-то, доченька? Какого рожна? Любить стал меньше? Ничего страшного, все через это проходят. А ты, если уж такая чуткая уродилась, не показывай, что все понимаешь, прикинься ветошкой да пой каждый день мужу в уши, какой он хороший и как у вас все хорошо. И не сиди квашней, отложи свой бизнес, займись собой. Поезжайте отдыхать куда-нибудь подальше, погуляйте, обновите отношения, ребенка еще одного родите... В кои-то веки повезло нам, мужик из дома не бежит – так нате вам! Сама надумала за порог выпихивать!

Нет, с мамой на эту тему даже заговаривать нельзя, ничего, кроме расстройства и слез, не получится.

Лиза понимала: решать все равно придется. Но тянула, откладывала трудный разговор. И дотянула. В тот день Саша вернулся домой позже обычного – Маша уже спала. Он вошел, весело улыбаясь, даже насвистывая что-то жизнерадостное, и сразу предупредил:

– Я есть не хочу! Мы с ребятами после работы в кафе зашли, у Димки день рождения, вот и посидели немного...

Он еще что-то рассказывал про ребят, про Димку, потом посмотрел на ее бледное напряженное лицо и расстроено махнул рукой:

– Ну как это получается, что ты всегда все знаешь? Правда, что ли, ведьма?

Она покачала головой.

– Я не ведьма. Просто у меня есть слабые экстрасенсорные способности. Иногда это... довольно неудобно.

– Лиза! – Он быстро шагнул к ней, обнял, прижал к себе. – Ну прости меня! Было, да, видишь – я даже врать не пытаюсь! Но это ничего не значит, честное слово, это случайность! Лиза, я... я больше не буду.

– Саша, я бы поверила. – Она мягко высвободилась из его объятий. – Но ты же все понимаешь. Мы с тобой стали другими... все стало другим. Если бы я могла закрыть глаза, зажмуриться и сделать вид, что ничего не подозреваю! Но я ведь и не подозреваю, Саша! Я знаю. И всегда буду знать.

Это был тяжелый разговор. И они тогда, в общем, ничего не решили. Продолжали жить вместе, на сторонний взгляд вполне благополучно, а на самом деле расходясь все дальше и дальше. Разбитую чашку можно склеить так, что она будет выглядеть как новенькая, но кипятилок в нее все равно наливать нельзя – протечет. Так и в их семье: через никому не заметные трещины медленно утекали любовь и доверие. Это продолжалось почти год.

А потом состоялся еще один разговор, но уже не мучительно-тяжелый, требующий напряжения всех душевных сил, а спокойный, почти деловой. Они быстро пришли к полному согласию по всем имущественным делам – а что там делить-то было? Саша возвращался к маме, Лиза хотела снять квартирку поближе к «Дамскому рукоделию», желательно в том же доме. На алименты Саша собирался написать заявление в бухгалтерию, чтобы там сразу перечисляли положенные суммы. Количество и качество его общения с дочерью даже не обсуждалось – Лизе и в голову не пришло бы ограничивать отца в его желании проводить время с Машей. На развод пока подавать не стали – может, если понадобится, то когда-нибудь... штамп в паспорте никому не мешал.

А в ближайший выходной Лиза принарядила дочку, приделась сама, собрала сумку с подарками и отправилась в райцентр, к маме.

Лидия Сергеевна встретила их на автовокзале. Рассеянно потискала Машку, с радостным визгом бросившуюся на шею бабушке, и обреченно спросила у Лизы:

– Все? Расходитесь?

Лиза едва сумку не уронила.

– Откуда ты знаешь? Я же никому не говорила!

– Да я уж больше года между вами разлад чувствую, – горько усмехнулась мама. – Ты что ж думаешь, я, кроме как бородавки сводить, ни на что больше не способна?

– Ох, мамочка! – Лиза обняла мать, прижалась к ней так, что оказавшаяся между ними Маша только пискнула.

Но еще больше, чем родная мама, Лизу удивила свекровь. Когда любимый сыночек вернулся к ней под крыло «с одним чемоданом» (положим, чемодан там был не один – за несколько лет жизни с Лизой вещей у Саши накопилось довольно много, но Вере Павловне нравилось говорить именно так), она неожиданно озаботилась тем, куда же теперь «денутся девочки»? Выгрела свои, скопленные на черный день деньги, заставила сына взять кредит, сама бегала по риелторам, и меньше чем через месяц Лиза стала полноправной хозяйкой (не совсем пол-

ноправной, конечно, ипотеку еще предстояло выплатить) маленькой двухкомнатной квартиры, находящейся не просто в том же доме, а на той же лестничной площадке, что и «Дамское рукоделие». При этом свекровь не настаивала на своем праве в дальнейшем общаться с внучкой и только выразила пожелание, чтобы с разводом не затягивали. Лиза была счастлива и благодарна, не задумываясь о том, что со стороны это выглядит несколько некрасиво. Словно от нее просто откупились. Главное – вопрос с жильем был решен, и решен самым удобным и комфортным образом! И пусть это было не элитное строение в центре города, а старая панельная пятиэтажка в тихом спальном районе, невзрачная и обшарпанная, с облупившимися балконами и темными потеками на стенах... да что там, даже первейшего признака благополучия – двери с кодовым замком в подъезде – и то не было. Так и хлопала на ветру расхлябанная деревянная, установленная еще при постройке дома. Ну и что? Лизу все устраивало.

Саша сначала приходил по вечерам почти каждый день, и выходные они по-прежнему проводили вместе, потом стал забегать пару раз в неделю, потом начал пропускать выходные... Лизу это и не радовало, и не огорчало. Пришел бывший муж – хорошо, не пришел – тоже неплохо. Главное, что Маша восприняла эти изменения на удивление спокойно. Папу она любила, радовалась его приходу, но и без него не тосковала. Переезд на новую квартиру, да еще вместо садика она теперь ходила в школу – впечатлений было так много, что о пропадающем где-то папе она просто не вспоминала.

А однажды Саша пришел и смущенно признался, что уже давно добивался стажировки в Германии, и вот, наконец, получил приглашение... Через месяц он уехал. Машка теперь с восторженным предвкушением ждала от папы посылок из настоящей Германии, мама плакала, а Лиза никак не могла справиться с душившим ее истерическим смехом. Жернова Господни медленно провернулись, и восстановился порядок вещей, очевидно на роду написанный женщинам этой семьи: дочка растет, а муж исчез в голубой дали.

Виктор Петрович, как и обещал, лично выбрал роскошную темно-бордовую розу, свеженькую, без единого обтрепанного лепестка. Его немного удивило, что продавщица, едва услышав несколько странное, по мнению мужчины, пожелание, выставила на прилавок огромное ведро с розами и дружелюбно поинтересовалась:

– Для Лизы? Из «Дамского рукоделия»? Это она так любит – одну бордовую розу...

– А вы ее знаете?

– Конечно! Такая славная женщина! Когда она в магазин заходит, кажется, что светлее становится и дышать легче!

Хм. А ведь эта щебетунья права. Сколько он там общался с этой Лизой? И ничего хорошего, в общем, не узнал: горе никуда не ушло, и личико внучки каждую секунду перед глазами, и мысли тяжелые, страшные... но дышать действительно чуть легче.

– И товары у них очень хорошие, – продолжала трещать продавщица. – Дорого, конечно, но знаете, оно того стоит. Я свекрови на пятидесятилетие скатерть вышитую купила, ручная работа. Свекровь сначала губы поджала, она мясорубку электрическую хотела. Но мясорубку мы ей потом купили, а на эту скатерть она не нарадуется, каждый праздник ее стелет. Говорит, что словно вкуснее все стало, и гости по-другому себя ведут. У нас родня не больно мирная, как собрались, то обязательно если не ссорой, то дракой заканчивается. А сейчас – мужики выпьют и песни поют. Я себе тоже думаю что-нибудь такое купить, только не скатерть хочу, а шторы, например...

Продолжая нахваливать «Дамское рукоделие» и его хозяйку, девушка, не спрашивая адреса, заполнила журнал доставки заказов и, прежде чем упаковать розу, поинтересовалась:

– Карточку будете прикреплять? У нас разные есть, и в классическом стиле, и юмористические, и детские... ну, детские вам ни к чему, конечно, зато вот есть такие, строгие, для серьезных мужчин. Вам какую?

Виктор Петрович слегка ошеломленно посмотрел на россыпь карточек и ткнул в чисто белую, с тонким золотым завитком.

– Классика! – обрадовалась продавщица. – Просто и элегантно! Вам ручку дать или у вас есть?

– Ручка? Зачем? – снова потерял нить беседы Виктор Петрович.

– Ну как же? – Милая девушка удивилась не меньше. – Не пустую же карточку прикреплять, надо написать что-то. Пожелание, поздравление... некоторые стихи пишут.

– Стихи, это, пожалуй, уже перебор. – Он взял белую карточку и аккуратно, почти печатными буквами, вывел: «В.П. Алейников». И, немного подумав, добавил снизу номер телефона. Хотел было добавить что-то вроде: «Обращайтесь, если понадобится» или «Буду рад помочь», но решил, что не стоит. Лиза женщина умная, и так поймет.

Распрощавшись с продавщицей и получив заверение, что роза будет доставлена не позднее чем через два часа (почему на доставку одного-единственного цветка в соседний дом может потребоваться два часа, он уточнять не стал), Виктор Петрович вышел из магазина и достал телефон, чтобы вызвать такси. Маришка с Андреем, наверное, уже дома. Ох, Маришка... вот еще вопрос, который надо решать, и срочно. Как это Лиза сказала – аура в ключья? Ладно, в ауры, кармы, чакры и прочую ерунду он никогда не верил, но Маришка, любимая дочка, его солнышко, его цветочек, действительно была словно разорвана в ключья навалившимся горем.

Сам Виктор Петрович в первые сутки, когда Леночка не вернулась из школы, в те первые сутки, когда они обзванивали одноклассников, обшаривали ближайшие подвалы и просто всю ночь бродили по окрестным улицам, в те страшные первые сутки еще верил, что все обойдется. Вторые сутки он слабо надеялся, что внучка вернется, и неумело молился, а когда прошли третьи, как-то в один момент понял: нет. Ничего не обойдется и не вернется... понял, что Леночки больше нет. Выл в своей комнате от горя и безысходности, но только когда его никто не мог услышать. А рядом с Мариной был сдержанно-мрачным, молчаливо поддерживая в ней надежду, которой у самого не было. И не знал, не представлял, что делать, как быть, как жить дальше. Именно поэтому не просто сразу поверил словам Лизы, но ухватился за ее незатейливый простой совет. Сейчас самое главное – Маришка. Внучка погибла, ее не вернешь, и это горе еще не пережито, еще не дает дышать и связно мыслить, но надо сделать все возможное, чтобы спасти дочь! Лиза права: Маришка на грани срыва. И когда она тоже поймет, что надежды нет...

Так, об этом лучше не думать. Сейчас надо думать о том, где найти хорошего опытного психиатра. Черт, он тридцать лет прослужил в армии, и уже шесть лет, как вышел в отставку, и ни одного даже близко не видел! То есть с армейскими-то психиатрами общаться приходилось, куда от них денешься, но сейчас нужно совсем другое! Придется обзванивать приятелей, советоваться, а значит, рассказывать всю историю и слушать сочувственное аханье, нелепые утешения, фальшиво-бодрые пожелания «держаться» и «не сдаваться»... и не получить никакого результата. Ну нет в их кругу психиатров, ни хороших, ни плохих!

А что эта Лиза про Андрея говорила? Нет, зятек никогда Виктору Петровичу особо не нравился – мутный какой-то мужик. Ни поговорить, ни выпить, ни в морду дать. С другой стороны, не ему же с этим Андреем жить. А так вроде не дурак, не бездельник, образование хорошее получил. Сам он, конечно, карьеру не сделает, кишка тонка, слишком мягок и уступчив, но тут не грех и помочь родному человечку-то. Тем более возможность была.

После отставки один из армейских приятелей, Роман Александров, настоящий гений (он еще во время службы такие финансовые махинации прокручивал, что немногие посвященные только ахали), предложил основать небольшой банк. Алейников подумал, посоветовался с женой Антониной, которая в свое время несколько раз позволяла себе, поддавшись на уговоры Романа, рискнуть деньгами и получала фантастические барыши. Естественно, Тоня свято верила, что любое задуманное этим финансовым гением начинание будет не просто успешным,

а суперуспешным, и супруги в тот же день дали свое согласие и все имеющиеся в семье деньги. В отличие от множества похожих историй с печальным концом: партнер оказался жуликом и сбежал с деньгами, наехали бандиты и все отняли, банк не пережил непрерывной череды кризисов и прочего тому подобного, – судьба нового банка с элегантным названием «Оккама» сложилась вполне благополучно. Небольшой, не привлекающий интереса крупных игроков, но быстро собравший достаточное количество клиентов банк процветал, радуя совладельцев постоянно, невзирая на сложные времена, повышающейся прибылью. Роман, естественно, занимался финансовой частью, а Алейников – хозяйственными вопросами и безопасностью.

В «Оккаму» Алейников и пристроил Андрея начальником кредитного отдела. Конечно, приди человек с улицы, ему бы ничего выше должности мелкого клерка не видать, но зять совладельца банка... Роману, кстати, муж Марины тоже не очень понравился.

– Воровать парнишка, конечно, не будет, – поставив размашистую подпись, Александров отодвинул приказ о зачислении и посмотрел в глаза приятелю, – кишка тонка. Но ты, Витя, за этим аленьким цветочком присматривай. Не дай бог, попадет в плохие руки – мигом сам изгов-няется. А так – попробуем. Потянет отдел – хорошо, а если нет – тогда уж извини!

Первое время Алейников честно присматривал. Начальник отдела, конечно, невелика шишка, но к коммерческим секретам доступ имеет, и вообще капитализм кругом, конкуренцию и промышленный шпионаж никто не отменял. Андрей работал честно и старательно, быстро разобрался в делах – он явно стремился доказать тестю, что может оправдать и оправдывает доверие, что в банке он, Андрей, прежде всего грамотный специалист, а уж потом муж Марины. Никаких сомнений, что он «потянет», уже ни у кого не было – все давно забыли, что начальник кредитного отдела был принят на работу исключительно по протекции. Виктор Петрович постепенно привык к зятю и, хотя по-прежнему недолюбливал слащавого красавчика, признавал, что тот, в общем, человек приличный. Работает хорошо, и дома, на участке, ручки испачкать не боится. Крыжовник развел и смородину черную, сортовые, соседи за черенками приходят. Лилий на клумбах – шестнадцать сортов, красота необыкновенная, и все новые прикупает. Маришку на руках носит, Леночку любит... любил.

А любил ли? Вон та же Лиза даже засомневалась, родной ли отец. И если вдуматься, если вспомнить... за своим горем Виктор Петрович как-то не особенно обращал внимание на зятя, но сейчас засомневался. Вроде Андрей тоже переживал, не упрекнешь, но как-то уж слишком старательно, слишком суетливо. С другой стороны – зачем Лиза про слезку сказала? Не думает же она, в самом деле, что Андрей причастен к гибели Леночки? Да, зять с гнильцой, Виктор Петрович это первый скажет, и наверняка пара-другая грешков за ним водится. Но не родную же дочь на муки отдать! Нет, дурацкая это идея, со слезкой. Дурацкая и, как Лиза сама сказала, неэтичная. А главное, зачем? Ну узнают они, что Андрей, допустим, из семейного бюджета подворовывает, и что? В полицию, что ли, бежать из-за этого? Или, допустим, играет где-нибудь в казино или в преферанс. Так если бы он больной был, игроман на всю голову, они бы давно это заметили. А так, если по мелочи... тоже мне проблема! Да если даже выяснится, что он Маришке изменяет, черт возьми! Нет, за такое он, Виктор Петрович, сам с зятьком поговорит, поучит его по-отцовски, как жену и Родину любить надо... но это же по сравнению с Леночкой такие все пустяки!

Так что тьфу на него, на Андрея, разбираться еще с этим слизнем садовым. А вот психиатра Маринке срочно надо искать. Черт, ну не в поликлинику же по месту жительства идти! С кем посоветоваться?

Ася Семеновна позвонила часа через два.

– Ну что? – спросила она, привычно не утруждая себя формальными приветствиями. – Были мои у тебя?

– Ваши? – слабо усмехнулась Лиза.

– Мои знакомые, по моей наводке пришли, значит, мои. А раз ты к словам цепляешься вместо того, чтобы прямо говорить... все так плохо?

– Да уж чего хорошего... девочки нет в живых.

Ася Семеновна помолчала, потом вздохнула:

– Ясно. Я-то надеялась... ну да что ж теперь. Ладно, Лиза, сегодня у меня времени нет, а завтра я часов в одиннадцать – двенадцать заеду, тогда и поговорим.

Прощаться она тоже не стала, просто отключила телефон.

«Интересно, о чем она собирается завтра разговаривать? Что случилось, куда пропала девочка и кто в этом виноват, я угадать не могу, а что еще тут можно обсуждать?» Лиза положила мобильник на стол и посмотрела на часы.

Скоро Маша из школы вернется, пора на кухню, борщ разогреть. Настроение было скверное, заставить себя не думать о погибшей незнакомой девочке не получалось. А тут еще Машка задерживается... Лиза снова посмотрела на часы: нет, не задерживается, еще минут пять до ее прихода есть. А если, не дай бог, вот так же похитят ее ребенка? Что делать, куда бежать? Жизнерадостная трель звонка – и Лиза бросилась к двери. Распахнула и прямо на пороге обняла дочь:

– Машка! Все в порядке?

– У меня в порядке. – Девочка озадаченно моргнула. – А у тебя что случилось?

– Ничего. – Лиза отпустила дочь и шагнула назад, давая ей возможность зайти в квартиру. – То есть случилось, но не у нас. Девочка, твоя ровесница, пропала, и ее мама сегодня приходила ко мне.

– О-о... – Маша сбросила туфли, подошла к матери и уже сама обняла ее. – И что?

– Девочка погибла. – Лизу передернуло, и маленькая ладошка тут же успокаивающе погладила ее по плечу. – Мать плачет, надеется на что-то, помощи от меня ждет. Фотографию дочери принесла. А я эту фотографию даже в руки не смогла взять, не то что разглядывать – такая чернота накатила... Машка, ты должна обещать, что будешь очень осторожной.

– Mam, я помню, – еще крепче прижалась к ней девочка. – С незнакомыми дяденьками не разговаривать, конфеток не брать, к чужим машинам близко не подходить... – Маша привстала на цыпочки и потерлась щекой о ее щеку. Лиза тут же почувствовала словно легкую щекотку, губы сами растянулись в улыбке.

– Машка! – Лиза хотела говорить строго, но получилось нежно. – Прекрати! Держи «зеркальце»!

– Еще чуть-чуть, – пропыхтела дочь. Она еще не умела «делиться» на расстоянии, требовался тесный контакт. – Вот так. А то на тебя смотреть жалко...

– Безобразница ты, зайчик мой солнечный! – Лиза наконец отстранилась. Действительно, стало намного легче. – Надеюсь, в школе ты такие фокусы не проделываешь?

– Ну, мам, что я, не понимаю, что ли? – Тембр ее голоса еле заметно изменился, и Лиза напряглась:

– Судя по всему, не понимаешь. Мария, признавайся, что натворила?

– Ой, мам, ну что ты сразу? Ничего я не творила, просто Наталья Степановна такая пришла на математику – терпеть невозможно. У нее четвертый месяц, токсикоз страшный, а она стесняется и делает вид, что все в порядке, вроде как просто не выпалась. А у нее еще и почки не в порядке, ей бы к врачу, на сохранение, в больницу... Нет, я честно удивляюсь, взрослая тетенька, двадцать пять уже, а хуже маленькой.

– Возможно, твоя Наталья Степановна ведет себя неразумно. А что ты скажешь о себе?

Маша поскуичнула:

– Да ничего такого я не делала, честно! Я даже за руку ее не брала. Так, подошла, потопталась рядом, а она сама уже меня за плечи приобняла немножко. Никто ничего не заметил,

я осторожно очень, только почистила слегка. Там действительно с почками проблема, я побоялась лезть внаглую.

– Хорошо, что хоть это понимаешь. Еще бы о себе думала, совсем прекрасно было бы. Схватишь когда-нибудь откат, что делать будем? Я ведь не справлюсь.

– Ну ма-а-ам! Какой откат, я еле-еле, самыми кончиками пальцев! Только головную боль сняла и тошноту, а глубже даже не думала! Честно! Мам, ну все в порядке со мной, ты же видишь!

– Вижу. – Лиза отстранилась и махнула рукой. – И еще вижу, что бесполезно с тобой разговаривать. Пока сама шишек не набьешь... Ладно, переодевайся быстренько, и обедать будем.

Алейников заехал домой ненадолго, только взглянуть на Марину.

Эх, дом... Виктор Петрович занялся строительством, когда вышел в отставку. О своем, большом доме они с Тоней мечтали все годы, пока мотались по гарнизонам, обживая ненадолго казенные квартиры. И когда Виктор Петрович вышел в отставку, даже вопроса не было, чем заняться в первую очередь! Купили на окраине города большой участок, на котором уже стояла кирпичная двухэтажная коробка, и принялись за дело. Сам Виктор Петрович стал настоящим прорабом, Тоня крутилась по хозяйству и потихоньку облагораживала участок – первые грядки, устроенные подальше от стройки, были с салатом, зеленым луком и петрушкой. Марина с Андреем выкинули из головы идею взять ипотеку и с энтузиазмом помогли родителям. Не прошло и двух лет, как они справили новоселье. На первом этаже устроились «старички», второй отошел молодежи – только жить да радоваться! Не довелось.

Начались у Тони головные боли, давление стало подниматься... После ноябрьских праздников легла она в больницу на обследование, а на Рождество ее уже похоронили. Неоперабельный рак – за два месяца сгорела. Виктор Петрович тяжело переживал смерть жены – больше тридцати лет вместе прожили, что называется, росли друг в друга. Только внучкой и спасался: с уроками помогал, книжки читал, в бассейн водил. Даже в гости к немногочисленным приятелям, куда всегда с Тоней приходил, Леночку с собой брал. Любовался внучкой, радовался: умненькая растет, послушная, хорошенькая, как куколка! Уже мечтал, как она в вуз поступит, прикидывал, какую девочке профессию выбрать... Маришка, вон, настояла в свое время на политехническом – программисты, дескать, всегда на хлеб с маслом заработают, и что? Нет, зарабатывает она действительно неплохо, но и пахать приходится не по-женски. А чуть расслабишься, чуть позволишь себе лишнюю неделку отдыха, самые выгодные заказы – фьюить! – и разлетелись по другим исполнителям. Наотдыхаешься, а потом собирай заказчиков с нуля. А что теперь будет с ее работой? Маришка с того дня, как Леночка из школы не вернулась, к компьютеру даже не подходила. Андрей, слава богу, в этих делах разбирается, сумел всем извинения разослать, объяснил, что беда случилась... Некоторые даже перезванивали, спрашивали, не могут ли чем помочь? Дай Бог здоровья хорошим людям...

Виктор Петрович поднялся на второй этаж, заглянул в гостиную. Там был только Андрей – он уютно устроился в большом мягком кресле, на коленях планшет, в руке большая чашка кофе.

– Марина прилегла, – торопливо сообщил зять, не дожидаясь вопроса. – Сначала просто лежала, потом задремала. А я вот тут... – Он неловко приподнял чашку. – Хотите кофе?

Виктор Петрович молча отрицательно качнул головой и на цыпочках подошел к спальне, приоткрыл дверь и заглянул. Марина действительно спала, уткнувшись носом в большого голубого зайца, – когда Леночке было пять лет, это была ее любимая игрушка, хотя, по мнению Виктора Петровича, выглядел плюшевый зверь просто кошмарно. Конечно, Леночка давно с зайцем не играла, но и выбросить или подарить кому-нибудь жутковатую зверушку категорически отказывалась. Вот и таскали это голубое чучело по всем диванам в доме в качестве подушки.

Виктор Петрович тихонько прикрыл дверь и снова обернулся к зятю:

– Ты ей лекарство дал?

– Две таблетки. – Андрей указал на журнальный столик, на котором лежал наполовину распотрошенный блистер и стоял стакан с водой. – И капли. Много с вас эта ненормальная гадалка содрала?

– Ничего. – Виктору Петровичу почему-то не хотелось говорить Андрею про розу. – И она вовсе не ненормальная.

– А какая же еще? С Мариной говорить вообще не стала, выставила нас, на меня смотрела, как будто я ей сто долларов должен. Зачем только Марина эту Асю Семеновну послушала? Старая дура! Не надо было и ходить. Только время и деньги потратили... – Он осекся, заметив, что Виктор Петрович слегка поморщился. Неожиданно Андрей с не свойственной ему проницательностью спросил: – Она не просто так сказала вам остаться, не только, чтобы вы заплатили? Она вам еще что-то сказала?

Виктор Петрович хмуро посмотрел на зятя, тяжело опустился на диван и отвел взгляд в сторону. Не нравился ему Андрей, никогда не нравился, только из-за дочери и терпел в своем доме этакого чижики. Но даже такому – как сказать ему, что Леночки нет в живых? Сердце-то у него есть, отец все-таки.

– Сейчас я коньячку, – неправильно понял его Андрей (Виктор Петрович и не заметил, что устался на дверку бара) и выскочил из кресла, словно его подбросило. Он ловко откупорил бутылочку армянского – Виктор Петрович по старой памяти предпочитал его, – плеснул в сифтеры и с неприятно угодливым поклоном подал один тестю. Только потом взял второй, вернулся в кресло и выжидательно устался на Алейникова.

Тот неторопливо покрутил сифтер, взболтнув янтарную жидкость, посмотрел, как она стекает по тонким стенкам. Понюхал, но запаха не почувствовал. Сделал глоток, но вкуса тоже не было, словно воды хлебнул.

– Сказала... сказала, что Леночки нет в живых.

Андрей замер. Несколько секунд он молчал, потом выдохнул:

– Неправда! – Он вскочил и сделал шаг к Виктору Петровичу. – Нет! Леночка жива, я знаю! А эта ваша чокнутая гадалка, она врет, просто врет! – Андрей взмахнул рукой, не замечая, что расплескивает коньяк. – Лена жива, вы слышите?! Жива!

– Еще она сказала, что Марина на грани нервного срыва, – Виктор Петрович словно и не заметил вспышки зятя, – и ее срочно к врачу надо.

Андрей еще пару секунд постоял, потом одним махом влил в себя остатки коньяка. Сделал глубокий вдох, и, наконец, взяв себя в руки, растянул губы в натужной улыбке.

– Может быть, она не такая уж идиотка, эта гадалка. Я, честно говоря, уже и сам думал, только не знал, как с Мариной об этом разговор начать. В банке ведь есть штатный психолог...

– Не психолог, – перебил его Виктор Петрович, – психиатр. Она сказала, что Маришке нужен хороший, опытный психиатр, – и зачем-то повторил слова Лизы: – У нее вся аура в ключья.

Он выпил до дна и отставил пустой сифтер в сторону, на столик. Какой смысл пить, если ничего не чувствуешь? Только коньяк переводить.

– Насчет ауры я не знаю, – мрачно качнул головой Андрей. – Но вот так, сразу, психиатр? Это же клеймо на всю жизнь можно получить – думаете, Марина вас поблагодарит? А если он, не дай бог, в психбольницу ее законопатит? Что мы тогда будем делать?

– А если Маришке действительно именно сейчас нужна помощь?

– Ну-у... Я думаю, все-таки сначала имеет смысл поговорить с... м-м-м... с нашим психологом. Марина, конечно, не работает у нас, но я уверен, Людмила Вадимовна не откажет, тем более вам. Можно договориться, что она к нам домой придет, вроде как в гости, поддержать в

трудной ситуации. Поговорит с Мариной, посмотрит на нее, выскажет профессиональное мнение... а тогда уж будем решать.

– Договаривайся. – Виктор Петрович встал с дивана и снова подошел к дверям спальни. Открывать не стал, только прислушался – там царила тишина. Ну и ладно, пусть дочка спит. Как это говорят: сон – лучшее лекарство. Увы, сейчас сон для Марины – никакое не лекарство. Просто небольшая передышка, немного покоя измученной душе, изорванной в клочья ауре.

Он вышел из комнаты, не обращая больше внимания на зятя, который, кажется, еще пытался что-то бормотать про дуру-гадалку и про неоспоримые достоинства банковского психолога. Пусть. Пусть зовет этого прекрасного специалиста, раз считает, что так будет лучше, пусть. Но он, как отец Маришки, тоже имеет право позаботиться о дочери. Более того, обязан это сделать! Значит, он и должен найти этого «хорошего опытного психиатра»! Не может же быть такого, что во всем городе не найдется ни одного человека, который сможет дать подсказку!

Андрей смотрел на закрывшуюся за тестем дверь, и в душе поднималась горькая обида. Ну за что с ним вот так обращаются? Не дослушав человека, развернуться и молча уйти, это просто некрасиво, воспитанные люди так не делают! Хотя откуда там взяться воспитанию? Кадровый военный – это же диагноз! Солдафон, ему бы всех выстроить и заставить в ногу маршировать. Ну не служил Андрей в армии, и что теперь? Между прочим, это означает только то, что у него хватило ума поступить в институт, где военная кафедра имелась. И вовсе не говорит о бесхребетности, безволии и неумении себя поставить. Просто он, Андрей, хорошо воспитан, в отличие от некоторых. И на работе это, кстати, все ценят. И уважают его! Уважают не как зятя Алейникова, а как хорошего специалиста. И добился этого он сам, собственными усилиями! А вот дома... нет, про Мариночку речи нет, тут все нормально, и теща – царствие ей небесное, тоже к нему неплохо относилась. Не то чтобы одобряла выбор дочери, как все матери, она считала, что ее умница-красавица могла и получше что-нибудь найти: олигарха какого-нибудь, помоложе, сына президента или, на худой конец, космонавта... Но и против Андрея особо не возражала – довольна Марина, счастлива, и слава богу! А вот Виктор Петрович, как с первого дня губы скривил, так и смотрит на него, как на кошака приبلудного. Вроде ладно, раз уж мои женщины тебя приютили, живи. Но если что не так, имей в виду, сразу тапкой по морде получишь. И получается, что вот он, взрослый мужчина, в собственном доме – непонятно кто. И так будет всегда, потому что дом этот – не собственный, а тестя. Хоть и вкладывается Андрей в него побольше того же Виктора Петровича. Газон косить, деревья подрезать, малину рассаживать – кто всем этим занимается? Да уж не Виктор Петрович ручки пачкает, можете быть уверены. В общем, как обычно: пахать – это Андрюша, а решения принимать – для этого другие люди есть. Нет, обидно, действительно обидно!

Зря все-таки он тогда повелся на Маринкины уговоры. Взяли бы ипотеку, ничего страшного, многие знакомые так сделали. Конечно, пришлось бы поскромнее жить, но у них ведь зарплаты совсем неплохие, даже с учетом выплат на хлебушек хватило бы, не только с маслом, а еще и с вареньем. Зато не сидел бы сейчас, как оплеванный, не смотрел бы тестю в рот, а сам все вопросы решал бы. Был бы хозяином в доме, в семье, сам себя уважал бы. А сейчас...

Андрей дотянулся до бутылки с коньяком, плеснул себе еще и, не смакуя, одним махом выпил.

Обидно. Вот даже взять эту гадалку. Почему она с ним разговаривать не стала? Глянула пару раз искоса и отправила с Мариной домой. Не может она, видите ли, ничего сказать! А для Виктора Петровича у нее слова нашлись... да какие слова! Нет, не может такого быть, Леночка жива, он никогда не поверит, что его дочь могла погибнуть! Ха, да понятно, почему эта аферистка потребовала, чтобы они с Мариночкой ушли. Ясно, что сам он, Андрей, в сказки этой доморощенной ведьмы не поверил бы, а заморочить голову старику, конечно, проще. Все эти гадалки, ясновидящие и прочие мошенницы, они прекрасно в людях разбираются и сразу

видят, кого можно раскрутить на деньги. Правда, Виктор Петрович сказал, что ничего не платил, но это ничего не значит. Точнее, значит только то, что эта тварь хочет вытянуть из него побольше. Про ауру Маринкину ему наплела, напугала... Вот куда он сейчас ушел? Психиатра искать? Не дай бог и правда приведет, да что еще тот скажет? Мариночка сейчас действительно не совсем... адекватная. Так и ситуация не простая – он и сам чувствует себя не в своей тарелке – что ж, его тоже к врачу? А Маринке только черной метки от психиатра не хватало! Нет, надо что-то делать, так жить нельзя! Как только Леночка найдет, надо будет сразу поставить вопрос – снимаем квартиру и баста. А Виктор Петрович прекрасно и один проживет. Марина, конечно, будет его навещать, это пожалуйста. Да и сам пусть в гости приходит, он, Андрей, не изувер какой, чтобы запретить тестю с родной дочерью и внучкой общаться. Он просто требует к себе должного уважения. И Мариночка наверняка его поддержит.

Да, Мариночка... в ауры всякие он, конечно, не верит, но нервы у нее действительно не в порядке. И лекарства не особо помогают. Надо у Милочки что-то поэфффективнее спросить. И вообще, поговорить, обсудить ситуацию – Милочка ведь и правда хороший психолог, специалист, кроме банка, у нее и частные клиенты есть. Так почему бы и Мариночке к ней не обратиться? Правда, это может выглядеть немножко некрасиво... с другой стороны, никто ничего не знает, значит, и говорить не о чем.

А эта ясновидящая со своими пугалками может идти лесом. Он всяким аферисткам верить не собирается и обобрать тестя тоже не позволит. Нет, ничего у нее не выйдет, уж он, Андрей, об этом позаботится. Он присмотрит за тестем, проконтролирует... хотя проконтролируешь такого! Все эти маги и колдуньи, они же, как пиявки, присосутся – не оторвешь! И эта тварь такая же, сто процентов. Сидит, такая скромненькая, глазки опустила, голосок тихий, пальчики тоненькие... тьфу! Ясно, что Виктор Петрович повелся, у него же комплекс мужчины-защитника! Милая женщина, как же! А как денежки начнет пылесосом сосать, еще милее станет.

Ха, а ведь есть очень простое средство коммерцию ей попортить!

Андрей достал телефон и даже слегка улыбнулся. Сейчас я тебя, ведьма проклятая, прочую!

Три длинных гудка и холодно-официальный голос:

– Старший оперуполномоченный Котов слушает.

– Здравствуйте, Олег Юрьевич. Это Соломин.

Короткая пауза – и в трубке прозвучало уже чуть более живое:

– Здравствуйте, Андрей Алексеевич. К сожалению, ничего нового я вам пока сообщить не могу.

– Я... – Андрей проглотил едва не сорвавшееся «Я и не рассчитывал» и неловко продолжил: – Дело в том, что мы сегодня были у одной женщины, у ясновидящей.

– Зачем? – искренне удивился Котов. – Вы верите в подобную чушь?

– Нет, конечно. Но супруга моя в таком состоянии... она вбила себе в голову, что эта колдунья сможет помочь, а я, естественно, не отпустил ее одну.

– Понятно. – Голос полицейского снова звучал равнодушно-нейтрально.

– Эта ясновидящая... некая Решетовская, она, в общем, ничего не сказала, нам с Мариной по крайней мере. Но она мне очень не понравилась.

– Странно. Обычно у аферисток умение вызывать доверие отточено до автоматизма. Возможно, вы были слишком предубеждены против нее, и она просто не сумела найти к вам подход?

– Разумеется, я был предубежден. Любой нормальный человек был бы предубежден, если бы его вдруг потащили к какой-то нелепой ворожейке. Но дело не в этом. Эта ясновидящая не понравилась мне еще и потому... видите ли, я почти уверен: она что-то знает.

– Что именно знает?

– Я не могу ответить. Что-то про Леночку, про похищение... или про то, где моя дочь сейчас находится... я не могу сказать точно. Но я уверен: там что-то нечисто.

– Так. Давайте вы мне расскажете все подробно. Начните с того, откуда ваша супруга узнала про эту ясновидящую.

Штатный психолог банка «Оккама» Людмила Вадимовна Мережкова откинулась на спинку мягкого компьютерного полукресла и полюбовалась свеженьким маникюром. Как все-таки удачно, что ей удалось зацепиться за эту работу. Девчонки-сокурсницы, кто по специальности сумел устроиться, в основном по школам разлетелись и теперь воют, с утра до вечера разные документы составляя и тоннами их в рабочий архив складывая. Потому что о работе школьного психолога судят по количеству бумаг, которые он по первому требованию может представить. А если, не дай бог, ЧП какое случилось, да у психолога нужной страховочной грамотки по этой теме не нашлось, то можно и с работы вылететь, а то и вовсе под уголовное дело загреметь. Про тех же, кто по специальности устроиться не сумел, и говорить нечего. Можно подумать, без высшего образования телефоны продавать или младшей секретуткой в офисе на звонки отвечать не взяли бы!

По сравнению с этими неудачницами у нее, у Людмилы, все в шоколаде. Кабинет отдельный, работы не завал, и график сравнительно свободный. Нет, она, конечно, не наглет, большую часть времени проводит на работе, и документация у нее в порядке – психопрофили на всех сотрудников, перспективные планы и прочее. Но и отлучиться маникюр обновить – никаких проблем. Мало ли уважительных причин, по которым просто необходимо в город выйти? Семинар, например, интересный на кафедре психологии или консультация по очень важному вопросу... да просто в научную библиотеку сходить, литературу нужную подобрать. Ну и по дороге, между делом, ноготки подправила – что в этом плохого? Ровно ничего.

И вообще, в последнее время все складывается удачно, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. С тех пор, как нарисовался в ее жизни господин Шляпников. Подошел так аккуратненько, задал пару вопросов, еще более аккуратно сделал несколько намеков... хм. Нет, сторговались они быстро, и Людмила, уж будьте уверены, не продешевила.

Коммерческая тайна есть коммерческая тайна, и информация о внутренних банковских секретных документах просто обязана стоить дорого. Но вот над тем, чтобы к этой секретной информации доступ получить, пришлось изрядно потрудиться. Психологу перспективные разработки и коммерческие планы на подпись не приносят. Хорошо, что нашелся Андрюшенька-душенька, милый дурачок. Забавный, но очень уж скромный – чуть не силой пришлось его в постель тащить. Зато теперь – никаких проблем, информация от начальника кредитного отдела просто ручьем льется! И не только по его делам, Андрюшенька ведь в высшие сферы вхож, шутка ли, зять совладельца банка. Так что он многое слышит, многое до него доходит, и он очень любит демонстрировать глупенькой влюбленной в него девушке свою значительность и осведомленность. А она, разумеется, слушает, раскрыв рот... и раскрыв карман тоже – денежки от Шляпникова исправно капают.

Сейчас ему, конечно, не до любви, за дочь переживает – даже жаль его. Но и не воспользоваться сложившейся ситуацией глупо. Тем более как рецепт правильно оформить, она знает, не зря в студенческие годы в аптеке подрабатывала, а принтеры в банке хорошие, цветные – бланки получаются совсем как настоящие! Впрочем, что об этом рассуждать, пока дело не сделано еще. Надо Андрюшеньку-душеньку шевелить, чтобы шустрее поворачивался, – к сожалению, в том, что она задумала, слишком много от него зависит.

* * *

Виктор Петрович вышел из дома, потоптался на крыльце, раздумывая. Врача надо искать, и искать срочно, но как? Обзванивать знакомых, спрашивая, не посоветует ли кто хорошего

психиатра, это означает самому запустить волну разговоров, обсуждений и сплетен, и тут Андрей прав: Марине такая слава ни к чему. А у людей надежных, которым можно было бы довериться, никогда таких проблем не было. Черт, получается, не то что помощи попросить – посоветоваться не с кем!

– Виктор Петрович, приветствую! – У забора, опираясь на палку, стоял сосед. Ему уже исполнилось семьдесят пять, но выглядел он вполне бодро, вот только ноги, как он сам выражался, «хулиганили» – без палки его никто и не видел.

– Здравствуйте, Пал Николаич, – коротко кивнул Виктор Петрович. Отношения между соседями были дружелюбно-ровными, мужчины, как правило, с удовольствием обменивались мнениями о погоде, о политике, о космической программе и прочих важных вещах, но сегодня тратить время на пустую болтовню не хотелось.

– Новостей, значит, нет, – не то спросил, не то сделал вывод Павел Николаевич.

Виктор Петрович только махнул рукой и прошел мимо, в сторону небольшого пустыря – машину они загоняли в гараж только на ночь, да и то не всегда, а днем оставляли на этой, полуофициальной, стоянке. Навстречу ему шла еще одна соседка – имени ее Виктор Петрович не знал, только фамилию, Торгашева. Это была молодая, ухоженная женщина и, судя по тому, что была единственной хозяйкой опрятного двухэтажного домика и разъезжала на «порше-кайене», весьма небедная. Она могла бы быть симпатичной, если бы не отвратительный характер. За все годы, что они жили рядом, от Торгашевой не слышали ничего, кроме претензий... да что там, Алейников не мог даже вспомнить, чтобы хоть раз видел женщину улыбающейся! Сегодня она тоже не улыбалась, но, проходя мимо, слегка наклонила голову и бросила такой сочувственный взгляд, что у Виктора Петровича снова слезы навернулись.

В первые сутки поиски Леночки были довольно шумными, и не только ближние, но и дальние соседи были в курсе, что девочка пропала. Теперь Виктор Петрович немного жалел, что они тогда все трое метались по улицам, заглядывали во дворы, задавали вопросы, объясняли сами... все равно внучку не нашли. А ловить теперь вот такие, сочувственные, взгляды было гораздо больнее, чем проходить мимо равнодушных, не интересующихся ни тобой, ни твоими делами людей. Черт, да лучше бы эта Торгашева снова, как она это делает раз по двадцать за каждое лето, сварливо пожаловалась, что вишня, которую еще Тоня посадила, слишком разрослась и затеняет ее сортовые кабачки...

Алейников торопливо забрался в машину, захлопнул дверцу и съезился на сиденье, словно спрятался от всего мира. Потом выпрямился и с силой потер лицо. Куда же ехать? Есть на набережной новая частная клиника – серьезные, судя по всему, люди. Здание себе выстроили приличное, скверик рядом обустроили, стоянка для машин есть... наведаться к ним?

Конечно, современные люди в таких случаях открывают Интернет, задают вопрос, и, как смеялась Леночка, «Гугл всемогущий» дает и адреса клиник, и сайты их открывает, и лично практикующих врачей подсказывает. Но Виктор Петрович Интернету не особо доверял. Не доверял точно так же, как телевизионной рекламе или предложениям взять кредит на фантастически выгодных условиях! Нет уж. Машина под рукой: сел, доехал, посмотрел, поговорил с людьми – и только тогда составил собственное мнение и принял решение. Да, именно так! А начать действительно можно и с этой разрекламированной новой клиники на набережной.

Котов сверил номер квартиры с адресом, который записал в рабочем блокноте. До чего же бестолковый этот Соломин – сказал, что был у Решетовской в квартире номер двадцать один. А она зарегистрирована в квартире двадцать два, квартира двадцать один вообще выведена из жилого фонда, там какое-то ИП обосновалось – вон, даже табличка висит: «Дамское рукоделие». И вот как относиться к показаниям человека, который даже номер квартиры запомнить не может? Олег сердито фыркнул и нажал на кнопку звонка. Несколько секунд ожидания, легкие шаги, щелчок замка – и дверь распахнулась.

– Вам кого? – дружелюбно спросила симпатичная девочка лет двенадцати.

– Старший оперуполномоченный Котов Олег Юрьевич. Добрый день. Я хотел бы поговорить с Елизаветой Решетовской.

– Это я, здравствуйте, – так же дружелюбно отозвалась молодая женщина, незаметно появившаяся за спиной девочки. – Проходите, пожалуйста.

Девочка попятилась, не сводя с полицейского заинтересованного взгляда, и он неторопливо прошел в квартиру.

– Присаживайтесь. – Лиза указала на кресло, придвинутое к журнальному столику. – Кофе? – Она дождалась неуверенного кивка и обернулась к девочке: – Машенька, сделай, пожалуйста.

Та развернулась легким танцевальным па и двинулась в сторону кухни. Уже на пороге обернулась и сверкнула такой улыбкой, что Котов внутренне ахнул. И это еще пока ребенок! Что же будет, когда Машеньке исполнится восемнадцать? Родителям придется подходить к дому минировать, чтобы хоть немного отпугнуть потенциальных женихов!

– Я вас слушаю. – Улыбка у матери была не такой сногшибательной, зато гораздо более уютной, что ли? Олег и сам не заметил, как улыбнулся в ответ. И тут же, вспомнив, с чем пришел, сурово сжал губы.

– У меня есть основания считать, что вам известна важная информация по поводу преступления, совершенного в отношении несовершеннолетней гражданки Соломиной, – выговорил он, сам не ожидая, что перейдет вдруг на такой кондовый канцелярит.

На кухне что-то зазвенело – очевидно, беззастенчиво подслушивающая Машенька уронила ложку. А Лиза, слегка сдвинув брови, мягко уточнила:

– Боюсь, я не все поняла. Вы считаете, что мне известно... что?

– Похищение Елены Соломиной, – медленно выговорил Котов, пристально вглядываясь в безмятежное лицо женщины, сидящей напротив. – Что вам об этом известно?

– Ох, это вы про девочку. – Лиза слегка сгорбилась и обхватила себя руками, словно ей стало холодно. – Ее родители и дед были у меня сегодня. Но почему вы решили, что мне может быть что-то известно?

– Мы получили информацию, – с нажимом произнес Олег, – которая дает основания заподозрить вас в том, что вам известно гораздо больше, чем вы хотите показать. А возможно, и причастны к похищению.

– Какая нелепость, – настолько искренне удивилась Лиза, что Олег сразу ей не поверил. – И кто же вам дал такую дикую информацию?

– Вы же не рассчитываете, что я раскрою свои источники?

– Вообще-то рассчитываю, – мило улыбнулась она. И довольно пафосно продолжила: – Поскольку ваш источник откровенно врет и, мало того, клеветает на добропорядочных граждан, то мой прямой долг раскрыть вам глаза...

В кухне снова что-то зазвенело, и Лиза, не сделав даже секундной паузы, крикнула:

– Маша, хватит подслушивать! Кофе готов?

– Минуточку, – прозвучал голос из кухни. – Уже несу!

И тут же появилась сама девочка. На вытянутых руках она держала большой круглый поднос, который опустила точно в центр столика. Две изящные кофейные чашечки, большая чашка какао, сахарница, молочник, вазочка с конфетами и горка аппетитно пахнущих булочек на большой тарелке.

– А себе я какао сделала, – нахально объявила Маша. Подтянула к столику пуфик, уселась на него и, обхватив кружку с какао ладошками, сделала первый глоток. Облизнулась и спросила: – Так в чем вы, говорите, маму подозреваете? В похищении?

– Не подозреваем. – Олег осторожно взял тонкую фарфоровую чашечку и принялся. Бесподобно. Впрочем, булочки пахли еще лучше. «Да черт с ним со всем!» – махнул он в

душе рукой и взял одну. – Просто госпожа Решетовская выказала странную осведомленность, и человеку это, естественно, показалось подозрительным. Как и нам.

– Естественно, – слегка усмехнулась Лиза и перевела встревоженный взгляд на дочь. – Мария, ты уверена...

– Да брось, мам, – девочка тоже потянулась за булочкой, – ты же мне уже обо всем рассказала. Мне больше интересно, кто это додумался на тебя наговаривать? Не Ася же Семеновна?

– Разумеется, не она. – Лиза покачала головой и пояснила насторожившемуся Котову: – Ася Семеновна... она у меня работает, но ее можно назвать моей старшей подругой. И оказалось, что она дружила с покойной матерью Марины Соломиной. Ася Семеновна очень приятная женщина, но искренне верит во всякие такие вещи... в пришельцев, в обмен разумами, в ясновидение и прочее. И она порекомендовала Марине обратиться ко мне. Разумеется, ничего хорошего из этого не вышло, но Асе Семеновне и в голову бы не пришло жаловаться на меня в полицию. Марине тоже, ей сейчас не до этого. – Она сделала пару глотков кофе и повернулась к дочери: – Спасибо, Машенька. Очень вкусно.

– Э-э... кхм... да, – неловко кашлянул Олег. – Действительно, никогда ничего подобного даже не пробовал.

– На здоровье, – просияла девочка. – Заходите еще, нам будет приятно.

Олег не смог придумать ответ, да и что тут можно сказать? «Спасибо, с большим удовольствием»? В данной ситуации – нелепо. Так что он только кивнул и промычал что-то неопределенное. Тем временем Лиза продолжила свои рассуждения:

– Возможно, Виктор Петрович? Я ему сразу не очень понравилась, да и вообще он ко всем экстрасенсам не слишком, как я поняла, расположен. Но расстались мы вполне мирно. Получается, остается только муж Марины? Как его, Андрей? Я права, Олег Юрьевич?

Олег, разумеется, и не подумал ничего подтверждать, наоборот, опустил глаза и торопливо зажевал очередную булочку, но Лиза почему-то приняла старательные движения челюстей полицейского за полное и безоговорочное согласие.

– Ну надо же! Не зря я предупредила Виктора Петровича, что за зятем присмотреть хорошо бы – гниловатый человечек... – Доньшко чашки стукнулось о столик, и Лиза устремила на Котова взгляд, не испуганный, как он втайне надеялся, а скорее сочувственный. – И что вы теперь будете делать?

– Кхм... – Булочка встала поперек горла! Хорошо хоть, кофе не закончился. – Разбираться буду. Отрабатывать сигнал. Так что вы сказали Соломиной?

Лиза погрузилась.

– Ничего. Она принесла фотографию дочери, а я даже в руки взять ее не могла, такая там чернота и беспросветность... Девочки нет в живых, ее убили. Как я могла такое матери сказать? Она и так на краю, еле держится.

– Это все, что вы почувствовали?

– А что еще? Я же не ясновидящая: что произошло, где, как – ничего этого я не знаю. – Она резко выдохнула, протянула руку в сторону дочери. Маша сунула ей свою кружку с какао. Лиза сделала несколько мелких глотков, благодарно кивнула и вернула кружку. Потом продолжила, глядя на стол: – Я рассказала обо всем Виктору Петровичу. Он поверил, наверное, сам что-то такое чувствовал. Вот, собственно, и все. Больше я ничего не знаю.

– Ну что ж, история складная, ничего не скажешь. Кстати, у вас есть лицензия на оказание подобных услуг? – почти нейтрально спросил он (ну честно, не любил Котов всяких колдунов и прочих медиумов – вообще не любил, когда всякие жулики безнаказанно дурили народ). – И хоть какой-нибудь диплом?

– Университетский диплом психологического факультета вас устроит? – снова улыбнулась Лиза. Мало того, что она, похоже, совершенно не собиралась нервничать под его пристальным тяжелым взглядом, она еще и улыбалась все время, и это страшно раздражало Котова. –

И лицензия на торговлю у меня, разумеется, имеется, как у владельца частного предприятия «Дамское рукоделие». Наш офис в соседней квартире, наверное, вы обратили внимание на табличку?

– И какие товары вы, например, продаете? – Фирмы, созданные для прикрытия разных неблагоприятных делишек, встречались Олегу неоднократно, поэтому он даже не потрудился сделать вид, что поверил. К сожалению, язвительный тон плохо сочетался с булочкой, поэтому он поспешно прожевал кусок вкуснейшей выпечки и запил его изумительным кофе. – Можете мне продемонстрировать? А если я захочу что-нибудь купить?

– Продемонстрировать, конечно, можем. – Лиза явно удивилась, но улыбаться не перестала. – Вы в демонстрационный зал пройдете или наш сайт в Интернете посмотрите?

– Ах, вы по Интернету торгуете... – Знал Олег эти интернет-магазинчики, знал и их хозяев и в делишках, которые те проворачивали под интернет-крышей, неплохо разбирался.

– Конечно, в наше время без площадки в Сети нельзя, – бесхитростно влезла Маша. – Да и нам удобнее, в выставочный зал приходят только те, кто уже твердо решил что-то купить, а не просто ретозеи – на красивые вещи посмотреть, пощупать их и помять! А нам потом все в порядок приводить...

– Маша, – ласково остановила ее мать, – Олегу Юрьевичу наши трудности малоинтересны. А вы, – она повернулась к полицейскому, – вы действительно хотите что-то купить? У нас, конечно, недешево, но это же ручная работа. И сразу предупреждаю, если какой-то эксклюзив, если специально на заказ делать, то не меньше месяца ждать придется – извините, у нас очередь. Но из простого, из того, что есть готовое, тоже можно очень приятные вещишки подобрать. Вот, например, поднос. – Лиза быстро очистила стоящий на столе поднос и подняла его, показывая изящный цветочный рисунок. – Жостовская роспись. У нас сейчас есть десятка три, сами понимаете, все рисунки оригинальные, каждый поднос – это уникальное произведение. Шторы с ручной вышивкой, скатерти, постельное белье. Вязанье самых разных видов – от ручной работы кукол до дизайнерского вечернего платья. Кружево девочки плетут... да что я на словах, пойдете в выставочный зал, я вам все покажу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.